

Игорь Герман

Подарок

Морозной декабрьской ночью 1993 года в центре большого уральского города Нижний Тагил запылали несколько торговых ларьков, стоявших рядом. Огонь поднялся высоко в чёрное небо. Часто стреляли лопающиеся от жара многочисленные бутылки палёного спиртного, продававшегося здесь преимущественно и в изобилии. Убегали какие-то люди, возможно продавцы горевших ларьков. Через дорогу, в заснеженном городском сквере, кто-то с кем-то бранился. То ли делили что-то, то ли отнимали. Перебранка вскоре перешла в крик, а затем и в стрельбу. Тёмные окна жилых пятиэтажных домов остались глухими и тёмными— люди боялись и затаились в своих квартирах. Когда стрельба в сквере прекратилась, то ли пьяный, то ли истеричный голос заорал в ночную тишину:

— Мы— икатеринбургская мафия!.. Тагил— ты платишь!.. Ты платишь, Тагил!..

Ларьки продолжали гореть.

Не приехали ни пожарные, ни милиция.

Утром начали пугово освещаться окна старых пятиэтажек— просыпались люди, собирались на работу.

Из подъезда одного дома вышел молодой человек, школьный учитель, направившийся на уроки. Ёжась от холода, он остановился, зажал между ног свой учительский дипломат, поднял воротник куртки, вынул из её карманов вязаные варежки и надел их на руки. Обогнул угол дома, прошёл мимо ряда чёрных остовов сгоревших ночью торговых ларьков и через сквер направился в школу.

К утру начал падать снежок, который припорошил дороги и тротуары. Спешивший учитель, оставляя за собой первый след на свежем снегу, вдруг споткнулся обо что-то небольшое, валявшееся на тротуаре. Это что-то ударом носка его ботинка отбросило в сторону. На секунду задержавшись, молодой учитель взглянул на попавшийся ему под ноги предмет. Предмет этот, вываленный в выпавшем пушистом снегу, в темноте напоминал по форме пачку сигарет. Возможно, нераспечатанную, потому что в ней, при ударе, почувствовался вес. Учитель, будучи некурящим человеком, собрался уже продолжить свой путь, как вдруг передумал. Подошёл к этому предмету и внимательно взгляделся в него. Наклонился

и поднял то, что показалось ему вначале пачкой сигарет. Варежкой стряхнул снег с небольшой холдной находки. При бледном свете фонарей, едва достигавшем сюда с центральной улицы, молодой учитель истории, очень небогатый человек, разглядел в своей руке новенькую, туго перетянутую пачку российских пятитысячных купюр...

Вечером восьмого июня 2019 года во входную дверь четырёхкомнатной красноярской квартиры Тумановых раздался звонок. Празднично одетая сорокашестилетняя хозяйка Светлана Туманова, появившаяся из комнаты, поспешила к двери.

— Наконец-то, доча!..— с упрёком произнесла она, открыв дверь и отступив на шаг назад.

В квартиру вошла девушка лет двадцати двух— двадцати четырёх, приятной внешности, завитая, в брючном костюмчике, облегающем тонкую, стройную молодую фигурку. В руке девушка держала подарочный бумажный пакет.

— Опаздываешь,— добавила мать, пока дочь закрывала за собой дверь.— Она уже ждёт. Нехорошо.

— Тачка в пробке застряла,— ответила дочь, снимая туфли.— Выезжали, объезжали... На мосту авария. Две иномарки— лоб в лоб. У обеих— морды всмятку.

— Ладно, я ещё сама не докрасилась.

Светлана ушла в комнату к большому зеркалу— заканчивать макияж. Дочь последовала за матерью.

— Мам, я не видела у тебя этой кофточки.

— Купила специально на юбилей сестры.

— Симпатичная.

— Спасибо.

— Сколько?..

— Ерунда. Десять.

— Ну-у... как сказать?.. Для вас— может быть, а для меня...

— Ладно, не прибедряйся, Леночка...— Светлана провела ярким столбиком помады по округлённым губам. Осмотрела своё отражение в зеркале с головы до ног.— Эх, красота неземная.

— Папа где?

— Папа на своём показе. Квартиру показывает покупателю.

— Как продажи у него идут?

— Не очень.

— А чего так?
— Риэлторские конторы в городе как собак нерезанных, и все кушать хотят. Квартир много продаётся — покупателей мало. Денег у людей нет.
— Он не пойдёт к Яне на день рождения?
— Не хочет, представь. А я ему говорила: всё-таки юбилей у моей сестры. Пятьдесят лет один раз в жизни бывает.

— А он?
— Куражится. На столе у неё, говорит, бедно. Поесть нечего. Плохо угощает. Я говорю: что ты ждёшь от учительницы?... без мужа?... дочь учится в институте?... Не хочет, одним словом. Кривляется. Ну, дело его.

— Мам, ну, у неё и правда на столе — эконом-класс.

— Ладно. Нам всё равно надо идти. Она нас ждёт. Дочь не приедет, сессию сдаёт, так что хоть сестра с племянницей — уже хорошо. Мужичком так и не обзавелась, да уже и не обзаведётся — возраст не цветочный... Ты что купила?

Дочь приподняла подарочный пакет в правой руке.

— Мыло и набор для душа: шампунь, гель и ещё что-то там... — Лена пожалала плечами на молчаливую оценку матери. — Она ведь мне тоже на дни рождения всякую ерунду дарит. И на Восьмое марта. Всякую чушь, я даже не пользуюсь ей.

— Ладно. Могла бы тёте на юбилей и раскошиться немножко.

— Денег нет. А ты что даришь?

— Коробку конфет взяла в шкафу. У нас там куча коробок этих стоит — я уже не помню, кто их нам дарил и по какому поводу. Крем дорогой — твой отец подарил мне на Восьмое марта — мне запах не нравится. Я решила его Яне передарить. Крем хороший — не пропадать же добру?

— Правильно.

Светлана посмотрела на часы.

— Пойдём уже. Без десяти шесть. Пока доедем. Она к шести ждёт.

Мать и дочь направились к входной двери. Поставили свои пакеты с подарками на пол и начали обуваться.

— Ах!.. — спохватилась Светлана. — Я забыла!

— Что?

— Да подарок!..

— Чей?

— Отца. Он же тоже купил ей что-то. Просил передать.

— Что именно?

— Да эту... — она разулась и опять прошла в комнату. — Господи, куда он её положил?... Вечно сунет куда-нибудь... А-а, вот она... — Светлана вышла с новенькой симпатичной косметичкой в руках.

— Дай посмотреть... — Лена покрутила косметичку в руках. — Ничего. Хорошенькая. Я бы и сама от такой не отказалась. Положи в неё свой крем.

— Нет уж: крем от меня, а косметичка от него. Не надо путать. Три отдельных подарка: от тебя, меня и папашки твоего.

Светлана взяла из рук дочери косметичку, опустила её в свой большой подарочный пакет, обулась, и вместе они вышли из квартиры.

Во дворе сели в Светланину машину — белую «мазду»: мать — на водительское сиденье, дочь — рядом.

Двадцать минут езды по городу Красноярску, включая остановки перед десятком светофоров, а также одну — перед цветочным павильоном, — и они уже на правом берегу, у второго подъезда пятиэтажки старой постройки. Мать и дочь вышли из машины, каждая со своим красочным пакетом. Светлана держала так же изящно упакованный купленный букет. На щитке домофона набрали номер двадцать семь.

— Кто?... — немножечко кокетливо спросил женский голос из двадцать седьмой квартиры.

— Делегация от президента, — шутливо ответила Светлана и нарочито строго добавила: — Открой-вай давай.

Домофон приветливо запищал, и мама с дочерью вошли в подъезд. Поднялись на четвёртый этаж.

— Именинница здесь живёт?..

Светлана и Лена вошли в приоткрытые двери квартиры номер двадцать семь. Нарядная, хоть и скромно одетая, виновница торжества стояла в коридорчике, ожидая гостей.

— Здесь, здесь. Проходите.

Прямо у порога — обнимания, целования, поздравления.

— Дорогая моя тётя! — Лена протянула свой небольшой подарочный пакет. — Прими скромный подарок. Здесь всё то, что пригодится любой женщине и в любом случае.

— Спасибо, Леночка... — Яна приняла пакет из рук племянницы, и племянница ещё раз поцеловала тётю.

— Яночка... — настала очередь младшей сестры именинницы. — С днём рождения, дорогая! С юбилеем! Здоровья тебе, счастья, молодости и красоты! Вот здесь, — Светлана чуть приподняла свой красивый цветной пакет, — от меня тебе крем... хороший, итальянский — для продления молодости, и конфеты — для удовольствия. А также... — она вынула косметичку из пакета. — Эта женская штучка тебе от моего Серёги. Он не сможет прийти, занят. Просил извиниться, поздравить и поцеловать.

Светлана опустила косметичку обратно в пакет, вручила его вместе с букетом цветов юбилярше. Обняла и поцеловала сестру, теперь уже за отсутствующего мужа.

— Спасибо, девочки. Проходите, проходите.

Гости вслед за хозяйкой прошли в комнату, где у дивана стоял накрытый праздничный стол.

а напротив, в углу, музыкальными клиповыми картинками мелькал экран работающего телевизора.

В целом посидели неплохо. Пошутили, посмеялись, нескучно провели время. Лена почтительно-юбилярше стихи, которые сама написала к этой дате. Стихи получились неплохие — со смыслом и хорошим юмором. Своими поэтическими способностями Лена приятно удивила не только тётю, но и маму, которая не подозревала в дочери этого дара. Стол, честно говоря, небогатый, но неплохой. Три салата — овощной, фруктовый и мясной, горячее — запечённая в духовке курица с картошкой, традиционная колбасно-сырная нарезка и, конечно же, торт. Торты сейчас известно какие — сплошь на искусственных ингредиентах. Самим печь нет времени, и в конечном итоге выходит не дешево. Проще купить, честное слово.

Когда уже пили чай с тортом, призывно записала трубка домофона.

— Может, Сергей? — предположила Яна, торопливо поднявшись со стула.

— Вряд ли, он на работе, — ответила вслед сестра. Хозяйка сняла пищавшую трубку.

— Кто?.. — выслушав ответ, добавила: — Открываю. — Меня кто-то спрашивает... — заглянув в комнату, она загадочно пожалла плечами. — Сама не поняла — кто. Мужской голос.

Через оставленную приоткрытой входную дверь услышали гулкие звуки поднимающихся шагов на лестничной клетке. Яна заметно волновалась, ожидая незнакомого гостя. Наконец он поднялся на площадку, и хозяйка навстречу ему шире открыла дверь.

Незнакомый молодой мужчина нёс подарочный букет цветов в голубенькой круглой коробке с привязанными к ней тремя воздушными шариками. Яне даже не нужно было спрашивать, от кого такой царский подарок, потому что в цветы была вставлена ажурно вырезанная на дереве поздравительная надпись: «Любимой мамочке».

Хозяйка расписалась в получении, после чего молодой человек вручил ей коробочку с цветами и сфотографировал её так.

— Для отчёта перед заказчиком, — пояснил он.

Поздравив именинницу от себя лично и попрощавшись, молодой человек удалился.

— Боже мой, какая прелесть!.. — восхитились чудесному букету мама и дочь Тумановы. — Какая прелесть!

— Сколько же всё это стоит? — испугалась Яна.

— Не дороже денег, — успокоила её сестра.

— Ну, доча... ну, доча...

Именинница поставила на стол коробку с цветами. Три шарика, наполненные гелием, дружно вытянулись вверх, к самому потолку.

— Зачем она это сделала? — сокрушалась счастливая и довольная мать. — Ведь я знаю: на последние деньги... Сама на копейки живёт.

— Ничего, матери — пятьдесят лет, она правильно рассчитала. Деньги всё равно появятся не сегодня-завтра, а такая цифра — только единожды.

— Ой... — вздыхала мать. — Ой... как она там?

Допили чай с тортом, посидели ещё, сытые и довольные, поболтали, посмеялись, после чего гости собрались домой.

— Посидите ещё, — уговаривала Яна. — Мне скучно одной.

— Нет, надо идти. Мне ещё Серёгу встречать и кормить. Он к девяти обещал. Весь день на работе.

— Мне тоже ещё домой ехать, — поддержала маму Лена. — Поддевятого уже.

— Ну, ладно, девочки, — нехотя согласилась именинница. — Спасибо, что пришли. Ой... — спохватилась она. — Сейчас, подождите...

Яна сбегала на кухню, принесла оттуда небольшую пластиковую коробочку, отрезала и положила в неё кусочек торта с розочкой. Тщательно закрыла коробочку. Протянула Светлане.

— Это Серёже отдашь. Чаю попить.

— Хорошо, — приняла коробочку сестра. — Спасибо от него.

Гости расцеловались на прощание с хозяйкой и ушли.

Яна прибрала со стола. Остатки курицы с картошкой, салатов и торта поставила в холодильник. Выключила телевизор. В наступившей тишине присела на диван и заплакала. Заплакала не от какой-то конкретной причины, а от обычного послепраздничного синдрома — внутренней опустошённости. Конечно: тишина, цифра возраста, одиночество — как тут не всплакнуть?

Потом решила рассмотреть подарки. Взяла пакет шампуня, раскрыла его... шампунь, гель для душа, мыло... ладно, спасибо и на том.

Взяла за пакет сестры. Вынула из него большую круглую коробочку крема и коробку конфет. Раскрыла коробочку с кремом, понюхала. Очень приятный запах. Хорошо, пригодится. Конфеты и правда нездешние какие-то. Раньше не видела таких. Такой коробки отродясь в магазинах не встречала. Яна взяла очки со столика, надела их, перевернула коробку и нашла производителя — Финляндия. Как-то раз, в молодости, пробовала финский шоколад: то ли «Фазер», то ли «Фразер», но что-то вроде этого. Тот шоколад в самом деле был очень вкусным, правда, чуть солоноватым, но именно это и придавало ему оригинальность. Замечательно. Посмотрела на срок годности: срок больше месяца как истёк. Ничего, они с дочерью не гордые — съедят.

Конечно, любая женщина ждёт подарки на праздники и радуется им, как ребёнок. Но на этот раз радости подарки не принесли — очень уж скромные, чего там. Богатые люди Тумановы, могли бы... Родная сестра всё-таки. У неё-то жизнь сложилась, слава Богу, а вот у Яны... бывший муж

после развода даже алиментов дочери не платил. Яна сама, как могла, поднимала ребёнка и сейчас из последних сил даёт ей возможность получить высшее образование. Тяжело приходится маме-учительнице на свою учительскую зарплату. Такая зарплата и умереть не даёт, но и нормально существовать тоже. Светка могла бы на юбилей сестры и раскошелиться немножко. Ну хотя бы совсем немножко. Итальянский крем и финские конфеты—это, конечно, здорово, но... муж—риэлтор, сама—ветеринар, неплохо на кошечках и собачках зарабатывает, а на юбилей сестры отдалась баночкой крема и просроченными конфетами... Ладно, не надо расстраиваться!—отмахнулась рукой от наседавших, как мошка, мыслей.

Яна вынула из пакета последний предмет подарков от семьи Тумановых—косметичку. Рассмотрела. Серёга—бизнесмен, мог и букет цветов подарить, не разорился бы... дочь на последние деньги... Боже мой... а это... так, подарок на отвяжись. Косметичка, правда, хорошая, дорогая, ничего не скажешь, но... Шикарный подарок на пятидесятилетие от богатого человека. Конечно, чего церемониться с училкой?... Яна вытерла набежавшие слёзы обиды. Хотела опустить косметичку обратно в пакет, но вместо этого, сама не зная для чего, раскрыла замочек и заглянула внутрь. Заглянула—и обмерла: в косметичке лежали деньги...

В первую секунду Яна подумала, что ей показалось. Не веря себе, осторожно вынула деньги из косметички. В растерянности пересчитала их. Боже мой... десять пятитысячных купюр! Пятьдесят тысяч!!.. С ума сойти!..

Яна перевела дух.
—Ох...—выдохнула она.—Ох... Вот это да!..
Пересчитала ещё раз. Да—пятьдесят! По количеству исполненных ей лет. Вот это подарок! И главное, так скромно положили и не сказали ничего. Ну, Светка! Это, конечно, её инициатива. Её бизнесмен сам никогда бы не сделал такого шикарного подарка. Нет, не решился бы. Ах, Светка!.. Ах, Светка!..

Сердце Яны радостно колотилось. Ей уже стало стыдно за то, что ещё минуту назад она плохо думала о сестре.

Яна вскочила с места и бросилась к своему мобильнику. Схватила телефон... нет... они ещё в дороге... за рулём... не надо отвлекать... чуть позже.

На радостях налила себе чашку чая и с удовольствием съела кусочек очень сладкого, безвкусного торта. После застолья есть не хотелось, но избыток положительных эмоций необходимо было истратить хоть на что-то.

Бесцельно полистав каналы телевизора, Яна отложила пульт и—снова к телефону. Сестра сразу взяла трубку.

—Алло, Света, вы дома?

—Да, уже приехали.

— Не хотела отвлекать тебя, пока ты за рулём.

— А что такое?

— Да хочу поблагодарить вас за подарок. Огромное спасибо, Светочка! Просто огромное!

— Да ладно, Яночка, чего там...

— Нет, нет, спасибо! Я даже не ожидала... А Сергей дома?

Светлана ответила через секундную паузу:

— Нет, он ещё с покупателем. По квартире разбираются. Он иногда и после десяти приходит.

— Пожалуйста, Света, передай и ему мою огромную благодарность.

Сестра на том конце связи опять помолчала.

— Хорошо,—как-то не очень уверенно пообещала она и добавила:—Ещё раз с днём рождения, дорогая. Обнимаю тебя.

— Спасибо. Пока.

Обе сестры одновременно отключили связь.

Светлана Туманова задумчиво смотрела на свой телефон.

— Кто звонил?—спросил из кухни ужинающий супруг.

— Хороший человек,—ответила из комнаты Туманова.

Подумав ещё секунду, она положила телефон на столик и прошла на кухню.

— Яна звонила.

— И что?

— Благодарила за подарки.

— А-а...

— Как-то... слишком благодарила. Странно.

— Что странного?

Туманова пожала плечами.

— Ничего. Просто.

— Как стол у юбиляриши?

— Как обычно.

— Ясно.

— Она даже не пригласила никого. Только мы с Леной. Денег, говорит, совсем нет.

— Ну...—Туманов прожевал кусочек ветчины.—Как говорится, каждому... в своё время. Её время, значит, пока не пришло.

— Или ушло. Что ты хочешь—пятьдесят лет бабе. Если до этого времени ничего не нажила, то уже и не наживёт.

— Логично...—Сергей Туманов допил остатки чая из своей именной кружки.—Всё. Хватит жрать. И так уже сто пять килограммов. Прекращаю рasti вишир. Надо—интеллектуально.

— Торт будешь, который она тебе отправила?

— Не буду.

— Куда его девать?

— Куда хочешь.

— Я тоже не буду.

— Выброси. Всё равно—дешёвка.

— Кстати, про день рождения...—спохватилась Туманова.—У Лены ведь тоже через неделю. Двадцать четыре девочке.

— Ты думаешь, я забыл об этом? Прекрасно помню.

— Что будем дарить?

— И помню, на что она намекает.

— Она не намекает. Ребёнок прямо говорит.

— Нет. С машиной пока повременим.

— Ну Серёжа... Она давно уже взрослый человек. Ты всё считаешь её ребёнком?

— По-моему, это ты ребёнком её считаешь... Купим. Я же сказал — купим. Но позже. На хорошую машину пока нет денег.

— Она хочет.

— Перехочет. Квартиру ей купили? Купили. Родители деньги зарабатывают, а не печатают. У меня нет печатного станка. Был бы — другое дело, — Туманов зубочисткой поковырял в зубах. — Денег ей подарю: деньги — лучший подарок.

— Ну и я — денег. Сложимся?..

— Нет. Каждый от себя.

Они помолчали. Туманов после плотного ужина расслабился и шумно выдохнул.

— Света, принеси журнальчик мой... — попросил он. — На столе лежит. В спальне. Полистаю его. Пока время есть.

— Иди сам, — ответила супруга. — Мне ещё со стола за тобой убирать.

Грузный Туманов, нарочито громко крикнув, поднялся, заскрипев резным деревянным стулом, и ушёл в спальню. Светлана начала прибирать со стола. Тут же вернулся Туманов, только не с журналом, а с пустой новенькой косметичкой.

— Слушай... — обратился к супруге озадаченный муж. — А ты почему Янке косметичку не отнесла? — Как не отнесла?... отнесла! — уверенно ответила Светлана.

— А это что? — он протянул жене косметичку.

Туманова недоумённо посмотрела на мужа.

— А где она была?

— На столе. Под журналом лежала. Я случайно журнал на неё положил.

— Но я подарила... — растерялась Светлана.

— Что ты подарила?

— Косметичку.

— Какую?... — вдруг напрягся муж.

— Ты мне сказал, что купил Янке косметичку... — Ну?..

— На столе я её не увидела, заглянула в шкаф — она лежала на одной из твоих полок, там, на свитерах, сверху.

Светлана заметила, как у мужа потемнел взгляд.

— Ты эту подарила ей?!..

— Да. Эту.

У Сергея Туманова забегали глаза. Он торопливо раскрыл косметичку, которую всё ещё держал в руках и заглянул внутрь.

— Точно... — упавшим голосом проговорил Туманов. — Света... ты отдала ей не ту.

— То есть как — не ту?..

По выступившей краске на лице мужа Светлана поняла, что произошло нечто экстраординарное, смысл которого ей пока неясен.

Туманов раздражённо брякнул косметичкой о кухонный стол. Перевёл взгляд на жену, и жена испугалась его взгляда.

— Какого... — он в сердцах трёхэтажно выматерился, — ты полезла в мои вещи и взяла то, что до тебя не касалось?!..

— Сергей... — вконец растерялась Светлана. — В чём дело?

— В чём дело? — рявкнул Туманов. — Я тебе сейчас объясню — в чём дело!.. Дело в том, что ту косметичку я купил Ленке на день рождения и вложил ей туда подарок — наличку, пятьдесят тысяч!.. Пятьдесят!.. Десять красненьких пятёрочек!.. Света — ты дура?!..

Туманова, казалось, лишилась дара речи. Она побледнела и в состоянии немом ужаса смотрела на мужа. Туманов же распалился не на шутку.

— Ты что, внимательно не могла на столе посмотреть?.. Ну, бросил я журнал сверху... случайно... и что теперь?.. Я же сказал тебе утром: Янкина косметичка — на столе!.. Мне даже и в голову не могло прийти, что ты полезешь в шкаф, в мои вещи и возьмёшь то, что я купил для дочери!.. Света-а-а-а!!!..

Он в бессилии воздел руки к небу и зарычал, как зверь.

— Серёжа... — тихо произнесла Туманова. — Пятьдесят тысяч?..

— Да! Пятьдесят!

Супруга схватила за сердце:

— Мне сейчас плохо будет.

— Ничего, не помрёшь, — грубо ответил Туманов. — А вот меня на пятьдесят косарей ты накрыла... И дочь, кстати, тоже. Молодец!

— Как же так?... Сергей?... Как же так?..

— А позвонить мне ты не могла?... Если на столе не нашла, спросить меня не догадалась?... Зачем в мои вещи лезть?..

Светлана, словно защищаясь от нападков мужа, выставила вперёд руки:

— погоди, погоди... У меня в голове не укладывается... — Туманов ещё раз матерно выругался в адрес супруги, и эта грубость мужа привела растерянную Светлану в чувство.

— Ладно! — гневно сверкнув глазами, резко ответила она. — На себя посмотри!

— А я по пятьдесят штук на сторону не швыряю!

— Откуда я знала?!

— Оттуда!

— Будешь говорить в следующий раз!

— Следующего раза уже не будет. Теперь сама копи ей этот полтинник! А через неделю объясни дочери, как ты распорядилась моим подарком для неё!

— Сам виноват, а на меня теперь гонишь?!

— Это я виноват?!

— А кто ещё?.. Швыряешь вещи как попало, и это уже не в первый раз! Вот и дошвырялся! Дочь же свою и наказал!

— Света, прекрати орать!—попытался перекричать её муж.— Не выводите меня!

— Ты меня уже вывел! И надолго!.. Прикрыл журнальчиком!.. Я как могла догадаться, что она под журнальчиком?.. Спешила тем более. Ты бы тоже мог, кстати, поехать с нами... Брезгует с моей сестрой за столом посидеть... Смотрите, какой барин!.. Бедненько, видите ли, ему, невкусно... Забыл, как по молодости сам в этой же профессии мыкался да хлеб с маргарином на завтрак ел?!.. Забыл? Так вспомни!.. Вот и докобенился!.. А поехал бы с нами, ничего бы этого не случилось! И всё было бы нормально! И деньги были бы на месте!.. Ой...

Туманова поднялась со стула и подошла к холодильнику. Поискала на одной из полок, нашла флакончик валосердина, накапала себе в стаканчик, развела водой и выпила. Облегчённо выдохнула, приложила руку к сердцу и бережно опустила себя на стул.

— Плохо?..—с долей сочувствия спросил распалённый супруг.

— Нет, хорошо. Давай добивай меня... Скорее сойду.

Они замолчали оба, пытаясь успокоиться.

— Вот что,—наконец заговорил Туманов.— Сделаем так: сходишь к Янке, объяснишь всё и поменяешь косметички.

— Что?..

— Поменяешь подарки на изначальный вариант.

— И как ты это видишь?

— Обыкновенно. Скажешь, что произошла ошибка. Ошибки надо исправлять.

Туманова нервно усмехнулась:

— Нет, дорогой. Давай лучше ты поедешь и так ей всё объяснишь.

— Но виновата-то ты.

— Нет. Виноваты мы оба... Значит, ты предлагаешь мне пойти к сестре, которая уже поблагодарила нас за нечаянные пятьдесят тысяч, извиниться и попросить их обратно?.. Какими глазами я буду смотреть на неё, ты подумал об этом? Нет, пропади они пропадом, я куда не пойду! Ты—пожалуйста!.. раз знаешь, как ей объяснить!

Сергею Туманову к ночи стало плохо—подскокило давление. Супруга вызвала скорую. Приехавшие врачи поставили укол и уехали.

Наутро, в воскресенье, оба возблагодарили Бога, что выходной и не нужно на работу: после вчерашнего и Светлана, и Сергей чувствовали себя совершенно разбитыми. Ясное, солнечное июньское утро не радовало, щебет птиц во дворе, слышимый через открытые окна, не умилял, вчерашний случай тяжёлым камнем лежал на душе.

Супруги не разговаривали друг с другом всё утро: она только спросила его о самочувствии, он сухо ответил. И завтракали в полном молчании. Когда Туманова открыла на кухне кран и загремела в раковине посудой, Туманов решил с ней заговорить. Выкурив сигарету на балконе, он решительно вернулся на кухню. Присел на стул.— Свет... слышь?.. Я подумал... Хорошо, я сам к ней съезжу и всё объясню. Она поймёт. Умная ведь женщина. Думаю, она сама понимает, что такие деньги не дарят просто так. Она должна это понимать.

— Ой, Серёга, Серёга...—Туманова закрыла кран и склонилась над недомытой посудой.— Так не делается, конечно. Это моя сестра, и... нет, не делается.

— Да я понимаю,—согласился муж.— Но ради Ленки надо... Надо. Ради Ленки.

Светлана Туманова сокрушённо вздохнула:

— Ладно, Серёжа. Я сама с ней поговорю. Сегодня к вечеру поеду и поговорю,—она горько помолчала и ответила самой себе:— Конечно, поймёт, никуда не денется. Только... Ладно.

Обдумав за день предстоящий неприятный разговор с сестрой, Светлана вечером села в машину.

Яна удивилась её приезду.

— Что-то случилось?—спросила она.

— Нет, нет, всё в порядке,—успокоила её Светлана.— Всё в порядке, и всё хорошо.

Пошли на кухню пить чай. Яна выставила на стол остатки вчерашнего пиршества—печенье, пару кусочков торта, сделала нарезку из сыра и ветчины. Попили чая, поговорили, посмеялись, повспоминали.

— Знаешь, Света,—сказала Яна, когда они, поговорив, казало, уже обо всём, ненадолго замолчали.— Я хочу поблагодарить вас с Сергеем ещё раз за ваш по-настоящему царский подарок. Я не ожидала, честно говоря, такого нужного, щедрого и к месту. Наташе ещё год учиться, теперь спокойно доучу её. Последний курс—диплом, сборы на то, на это, выпускной... я уже хотела кредит брать, в кабалу лезть. А теперь—спокойна: на всё хватит.

Светлана согласно кивнула головой, и скорая неловкая улыбка пробежала по её губам. Она ничего не ответила.

— Я знаешь что вспомнила?..—продолжала Яна.— Помнишь, в середине девяностых—как бедно мы жили?!.. И я, и вы тоже... Зарплату не выплачивали, бесконечные отоварки вместо денег. В эти отоварки магазины сплавляли людям всякий нелеквид, и приходилось брать—а что делать?.. Тяжёлое время было, что говорить. И я вспоминаю, как твой Серёга тогда нашёл пачку денег, совершенно случайно... помнишь, ты рассказывала?.. Вот и у меня сейчас такое ощущение, что я случайно нашла на дороге пачку денег. И они как нельзя вовремя.— Налей мне ещё чай,—попросила Светлана.

— Подогреть?.. Он почти остыл.

— Нет, не надо. Просто пить хочу.

Яна налила сестре в чашку с остатками остывшего заваренного чая горячей воды. Светлана сделала несколько осторожных глотков. Потом поставила чашку на стол и, улыбнувшись, сказала: — Ну, всё, Яночка, мне пора.

Она поднялась из-за стола, прежде чем сестра успела что-либо сообразить, и направилась к входной двери. Когда обувала босоножки, Яна, внимательно следившая за ней, спросила:

— Свет... чего приходила-то?

Туманова, обувая босоножки и не глядя на неё, отрицательно тряхнула головой:

— Ничего. Просто так.

Сестра, видимо, не поверила.

— А мне показалось...

Туманова, застегнув босоножки, выпрямилась и честно посмотрела в глаза сестре:

— Нет. Тебе показалось.

— Ну...— неуверенно пожала плечами Яна.— Смотри.

Светлана поцеловала сестру в щёку и крепко, искренне обняла её.

— Нет, нет, дорогая... Всё хорошо, всё— слава Богу... Тебя ещё раз с прошедшим юбилеем... Мы с Серёжей очень рады, что хоть чем-то помогли тебе... Вам с Наташей...

Светлана улыбнулась чуточку грустно, прощально кивнула головой, открыла дверь и вышла на лестничную площадку...

Дома её встретил измученный ожиданием супруг. Он появился из кухни, едва она вошла в квартиру.

— Ну?..

Светлана молча прошла в комнату и присела на диван.

— Ну!..— настойчивее повторил Туманов.— Говори.

Она ничего не ответила ему, и он понял правильно её молчание.

— Ты не сказала ей.

— Нет. Не сказала.

— Почему?

— Не смогла.

— Она сама не поняла?

— Думаю, нет.

Туманов раздражённо выдохнул и выругался.

— Я так и знал!..— зло потоптался на месте.— Ладно. Я сам к ней поеду.

— Никуда ты не поедешь,— тихо ответила ему жена и повторила по слогам:— Ни-ку-да.

В её спокойном тоне супруг услышал уверенность и внутреннюю силу, сразу сбившую его с решительного настроения.

— В смысле?..

— Без смысла, Серёжа. Не поедешь, и всё. Забудь про этот случай.

— То есть как—забудь?!..

— А вот так. Забудь.

— Интересно. И кто это так распорядился?

— Не я, Сергей. Не я. Точно—не я.

— А кто?

Туманова поднялась с дивана, подошла к растерянному, расстроенному супругу и ласково погладила его по голове.

— Вспомни, с чего начался твой бизнес. Тогда, в декабре девяносто третьего, мы жили в Нижнем Тагиле, у твоих родителей. Бандитское время. Помнишь, однажды ночью была стрельба в парке? Прямо под нашим окном, в центре города?.. Криминальные разборки. Утром ты пошёл на работу через этот парк и нашёл пачку денег. Огромная сумма по тем временам. Ты вернулся домой и плакал от радости. Сказал, что это— подарок судьбы и что ты теперь у судьбы в долгу. И тот подарок очень выручил нас. Очень выручил. Мы пережили то лихое время. Потом ты выкупил продуктовый ларёк, начал торговать. Ушёл из школы в бизнес. Потом мы уехали сюда, в Красноярск. Здесь дела у тебя тоже пошли. Потом ты стал заниматься недвижимостью... А началось всё с той потерянной кем-то пачки денег. Помнишь?..

— Да. И что?

— А то, Серёжа, что, наверное, пришла пора вернуть долг.